

К 100-летию Каширской ГРЭС

2022 год – юбилейный год у каширских энергетиков. Сто лет назад, 4 июня 1922 года, была пущена в эксплуатацию первая электростанция по Плану ГОЭЛРО Каширская ГРЭС. Начинаем публикацию архивных материалов, посвященных этой знаменательной дате. И открывает ее воспоминание бывшего работника электростанции инженера-энергетика Г. Липенского. Это воспоминание – рассказ об удивительной судьбе первенца электрификации было опубликовано на страницах «Литературной газеты» 20 декабря 1967 года.

Провода над окопами

– Проездом ко мне завернул старый товарищ. Когда-то учились вместе в энергетическом, не виделись лет тридцать. Конечно, разговоры, воспоминания. И в первый же вечер – спор.

Я вспомнил Каширу, где наша студенческая группа проходила практику. Товарищ спросил с усмешкой: «А что, «Каширка» ещё скрипит?». Спросил и, не дождавшись ответа, стал рассказывать, какие у них на Урале мощные электростанции. Я, признаюсь, обиделся за «Каширку». Она была нашей первой школой, и грех не помнить родства. «Брось, – махнул рукой приятель, – что уж теперь толковать об этом «примитивном самоваре» — помнишь слова Цюрупы?».

Конечно, я помнил эти слова Г. Д. Цюрупы, руководителя Каширстроя и брата знаменитого наркома продовольствия. Ему, инженеру, В. И. Ленину доверил судьбу первенца Плана ГОЭЛРО. Да, я помнил его слова: «Когда-нибудь и Каширская электрическая станция рядом с гигантами, которые построит свободный народ, будет выглядеть примитивным самоваром...». И всё же Кашира не стала «примитивным самоваром» – тут Цюрупа ошибся.

... «Тихая Кашира» встречает скрежетом кранов. Через бугры свежekoпанной земли, через бетонные плиты и железные балки добираться до самого большого нового здания, поднимаюсь по лестнице. Шипит, сверкает сварка, свисают с конструкций, извиваются по полу резиновые шланги. Оказалось, что готовят к пуску новую машину, вторую. Первый блок – триста тысяч киловатт – пустили ещё в январе.

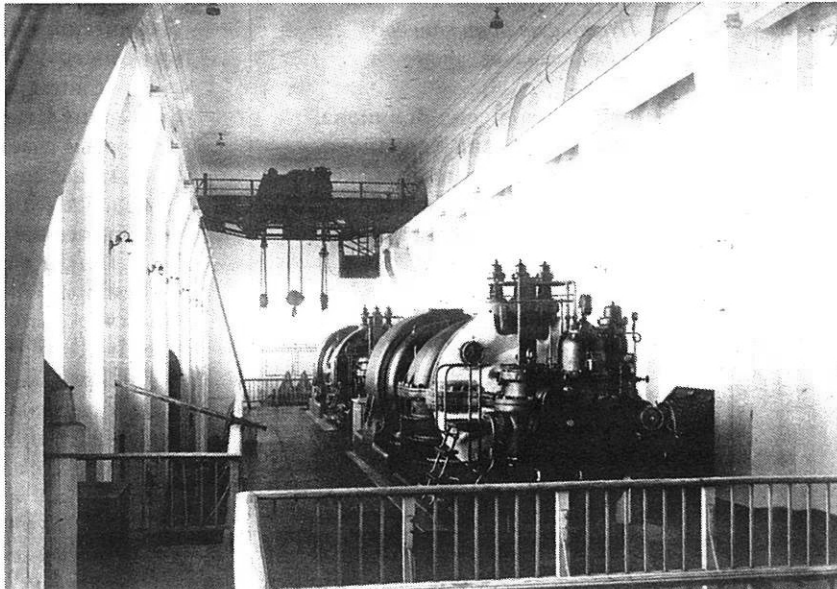
Помню, здесь же, в Кашире, впервые увидел машину в пятьдесят тысяч, я долго стоял рядом и прислушивался к её ровному гулу. Пятьдесят – это казалось невероятным. До военный Сталинград, со всеми его заводами, брал около ста. А тут – триста в одной турбине!

Сорок пять лет назад вот здесь, на этой же Каширской электростанции, люди нарубили сухих дров, облили керосином и затопили первый котёл. Затапливал молодой рабочий Иван Васильевич Тарасов. Сейчас он вспоминает: «Не одну спичку сломал, пока зажег, волновался очень».

Было это утром тридцатого апреля двадцать второго года. В конце того же дня с Кожуховской подстанции в Москве позвонили Владимиру Ильичу Ленину: «Пришёл ток из Каширы».

«Двенадцать тысяч киловатт – это очень скромное начало, – сказал тогда Владимир Ильич. – Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеётся. Но хорошо смеётся тот, кто смеётся последним».

Две первые турбины мощностью по шесть тысяч киловатт пускал крестьянин-самоучка Антипов. Их так и назвали – «Антиповны». Позже Антипов уехал, чтобы помочь нала-

живать и пускать турбины на других, более совершенных электростанциях. И не только он, многие уезжали на новые стройки. Везли свой каширский опыт. А вот монтировать нынешние новые мощные блоки на Каширской ГРЭС прибыла молодежь с Луганской, Троицкой, Конаковской электростанций. Когда-то и они учились у выходцев из Каширы, но стали забывать об этом, и сейчас с чувством превосходства поглядывают через забор на тёмные цеха старой «Каширки». А меня тянет взглянуть в другую сторону – на новую трубу. Шутка ли – двести пятьдесят метров труба. Такой ещё не было. Она не только дымит, на стометровой высоте прикреплены к её бокам металлические крылья, на них – гирлянды изоляторов, провода электролинии.

Но труба трубой, а слава новой Каширы в другом: два блока по триста тысяч – это больше, чем Днепрогэс! Вот что действительно поражает.

«Кладут фундаменты третьего блока. То ли ещё будет! – подмигивают мне молодые каширцы. – Управлять блоком будут не люди, а электронная машина.

Вот тебе и «примитивный самовар!» «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним», – сказал когда-то о Кашире Владимир Ильич Ленин. С одним из ветеранов электростанции, Петром Михайловичем Волковым, мы рассматриваем ленинские телеграммы, записки. Был ли Владимир Ильич в Кашире? Волков отвечает утвердительно.

Осенью 1921 года Владимир Ильич послал в Каширу Г. Д. Цюрупе телефонограмму: «Каширстрой, Г. Д. Цюрупе.

Мне сообщили, что Вы взяли устроить у себя на отдых т. Кржижановского. Возлагаю на Вашу ответственность, чтобы отъезд в Москву в течение месячного отпуска Вы ни в каком случае не допускали. Сообщите, кстати, имеете ли ответ от Стомякова и с какой правильностью или с каким опозданием идут работы Каширстроя.

ЛЕНИН».

Кржижановский был устроен в деревне Лёдово, недалеко от Каширы. Туда-то надежды и поехал навестить его Ильич. Путь с железнодорожной станции не проходил мимо стройки, но Ленин всё же завернул на «Каширстрой». Машина подошла к контролю. Вышел курьер Прохоров, доложил, что начальство на работах. Владимир Ильич сказал, что вызывать никого не нужно, что так даже лучше. Расспросил, как идут дела, и уехал.

История первенца электрификации полна интересных, а порой и драматических событий. Расскажу об одном из них.

Зимой сорок первого года, когда фашистов погнали на юг, к Туле, высоковольтная линия от Каширы на Тулу оказалась на земле, занятой врагом. Книга местного автора Т. Горба, который во время войны был председателем Каширского райисполкома, и прочитанные мною позже записки инженера тульских электрических сетей Васильева помогли восстановить цепь событий.

25 ноября руководитель обороны Тулы, секретарь обкома В. Жаворонков, узнав, что Каширская ГРЭС подготовлена к взрыву, позвонил в Государственный комитет обороны.

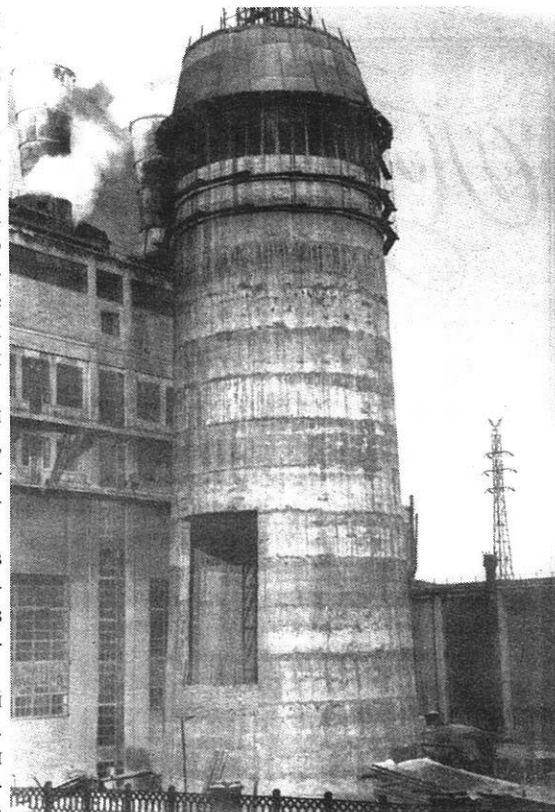
– У вас нет других источников энергии? – спросили его. И обнадружили: – Войскам дан приказ занять новые рубежи. Держитесь, товарищи туляки.

В тот же день в Каширский райком позвонили из Ставки. Спросили об обстановке. Потом попросили перевести на командующего корпусом, но генерала Белова на месте не оказалось, трубку взял комдив генерал Баранов. Ему было сказано: «ГРЭС не взрывать. Немедленно подвести части к Кашире. Каширу отстоять любой ценой».

Сколько же дней давали Туле энергию через голову немцев? Г. Каплан, бывший в то время дежурным инженером станции, считает, что около двух недель. С началом боёв под Каширой линию разрушили на

большом участке. С Тулой порвалась всякая связь. И телефонная тоже. Да, и телефонная, потому что для переговоров использовался один из проводов той же высоковольтной линии – «жёлтая фаза». Это была единственная действующая линия связи между Тулой и Москвой. Жаворонков и военное командование разговаривали со Ставкой только по «жёлтой фазе» – слышимость была хорошая, а подслушать невозможно – сто тысяч вольт! Странно, что немцы не разрушили линию. Очевидно, не догадывались, что она работает. Электростанцию бомбили ежедневно, хоть и безуспешно, а вот линию не трогали. Отключилась она только потому, что провода были повреждены артиллерийским обстрелом. Монтеры поехали ремонтировать. Продвигались вместе с наступающими частями. Кругом была стрельба, пикировали самолёты, а электрики растаскивали провода, натягивали на опоры.

На второй день приехал нарком электростанций А. Летков. С порога спросил: «Как Тула?» Каплан доложил, что связи нет, но на линии работают. Нарком приказал: «Непрерывно вызывайте Тулу по телефону». Телефонистка умоляюще кричала в трубку: «Тула, дорогая, где ты? Да жива ли ты, Тула?». Отозвалась та на третий день. Доложили наркому, он взял трубку. А через некоторое время позвонил и ремонтный мастер, сказал, что работы закончил, людей наших с линии снял... Правда, дальше, к Туле, он монтеров не посылал – туда не пошлешь, ещё воюют. Смотрел, говорит, в бинокль –

провода висят, обрывов не заметно. Можно включать. Каплан включил и по приборам увидел: Тула взяла на нагрузку.

О Кашире ещё многое можно было бы рассказать. Удивительно интересная судьба у первенца нашей энергетики. То, что начала Кашира, продолжили Шатура, Волхов, Днепрогэс, станции волжского каскада, Конаковская и Троицкая ГРЭС, Братская и Красноярская гидроэлектростанции.

Много лет назад у котла электростанции стоял кочевар, открывал и закрывал шибера, бежал смотреть в лючки на пламя. Уходя со смены, с трудом отмывал вешущуюся в лицо и тело угольную пыль. Недавно я побывал на тепловом щите одной из московских ТЭЦ (кстати, её мощность равна Днепрогэсу). За столами сидят молодые фасонистые ребята. В белых рубашках с модными галстуками. Смотрят на приборы, изредка подходят к пультам, нажимают на кнопки. Они – машинисты блоков. На каждого – два котла, две турбины.

Помню, ночью на провода ЛЭП упала со сна. За тридцать километров, на диспетчерском пункте Ногинских сетей запела сирена, зажглась красная лампочка. На табло перед креслом диспетчера вспыхнули надписи: «работа защиты», «работа автоматики». Диспетчер посмотрел на огромную, во всю стену светящуюся схему: отключилась ткацкая фабрика. Повернул ключ телеуправления. На одной из далёких подстанций включилась резервная линия. Фабрика не стояла и минуты.

Линии электропередачи, что шли от первенцев ГОЭЛРО, были напряжены в сто тысяч вольт. В этом году включена опытная ЛЭП Конаково – Москва: семьсот пятьдесят тысяч вольт. Уже проектируются линии в полтора миллиона вольт...

Но я думаю сейчас совсем о другом напряжении, подлинно высоком человеческом напряжении, с которым шла наша страна по дороге ГОЭЛРО – от тьмы к свету.

«Литературная газета», №51, 20 декабря 1967 г.

